

18+ Владимир Андрианов

Под стягом Никлота

Историко-приключенческий роман

Владимир Валентинович Андрианов
Под стягом
Никлота. Историко-
приключенческий роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618736

ISBN 9785005300553

Аннотация

Историко-приключенческий роман о героической борьбе полабо-прибалтийского славянского племени ободритов во главе с князем Никлотом против немецких и датских крестоносцев в 1147 году.

Содержание

Глава 1. Встреча	5
Глава 2. Лев готовится к прыжку	14
Глава 3. Никлóт принимает решение	26
Глава 4. Новые друзья	37
Глава 5. Вече	45
Глава 6. Враг пришёл	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Под стягом Никлота
Историко-
приключенческий роман**

**Владимир Валентинович
Андрианов**

© Владимир Валентинович Андрианов, 2024

ISBN 978-5-0053-0055-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Встреча

Ранним июньским утром 1147 года в любéкскую гавань медленно входил караван судов новгородского торгового гостя¹ Степана Дормидонтовича Шáлого. Двадцать лодей, словно утки тяжело переваливаясь с борта на борт, весело бороздили тёмно-зелёные воды Тра́вы². Резвый шелóнный³ громко хлопал парусами, гнал упругую волну, осыпая разноцветной водяной пылью затейливо выгнутые носы лодей.

– Глянь-кось, басота⁴ какая! – сын Шалого Кирилл, теребя отца за локоть, указывал пальцем вперёд, на город. Там, в косых лучах восходящего солнца, влажно блестели крытые черепицей, тёсом, а то и просто соломой, крыши домов и острые шпили кирх⁵. Узкие прямые улочки серебряными змейками разбегались во все стороны и снова сбегались, образуя затейливо сплетённую сеть городских кварталов. Отстроенный на месте Бúку – бывшей крепости ободритского⁶ князя Кру́то и неподалёку от сожжённой недавно полабанской⁷ Любицы⁸, город богател за счёт обильной торговли. Чего только не встретишь на любéкском торгу! Имбирь, перец и корицу из Персии; оливки из Греции; перлы⁹, ко-

---

¹ Торговый гость – купец. Объяснение последующих слов – в *Словаре старинных слов и выражений* в Оглавлении.

рунды¹⁰, смара́гды¹¹, венисы¹² из Индии; тонкие фландрские сукна; свейское¹³ железо и медь; соль и вина из Франции; серебро из Чехии; мёд, сало, воск, лён и пеньку, а также мечи и боевые топоры из Господина Великого Новгорода. Являясь средоточием торговли на побережье Варяжского¹⁴ моря, Любэк имел свои фактории в Бергене, Брюгге, Лондоне и Новгороде...

Не первый год ходит в Любкку¹⁵ удалой купец Шалый. И всякий раз возвращается с прибытком¹⁶. А всё потому, что торгует самым ходовым товаром – рюхлядью¹⁷, житом¹⁸ и бранной кузней¹⁹.

Вот и на этот раз трюмы лодей заполнены доверху: заботливо укрытые промасленным рядном²⁰, лежат в кожаных мешках вороха собольих, бобровых и горностаевых мехов; в сосновых коробах – обильно смазанные бараньим салом (чтобы ржа не поела) – кольчуги и шлемы, секиры и наконечники для протазанов²¹, сулиц²² и, особо ценившиеся у немцев, мечи булатные и связки больших замков хитрой новгородской работы.

Три седмицы²³ прошло с тех пор, как покинул Шалый свой терем на Данславле-улице. Шли вниз по Волхову, затем – через Ладожское озеро, реку Неву и далее – уже по морю Варяжкому. Преодолевая штормы, каждый миг рискуя подвергнуться нападению морских татей²⁴, вёл купец кара-

ван. И вот, наконец, он у цели...

...Несмотря на ранний час на пристани уже всю кипела работа: меж больших и малых судов юрко сновали чёлны перевозчиков и рыбаков, деловито скрипели вёроты и жеравцы²⁵, извлекая из объёмистых трюмов бочки и тюки заморского товара. На сотни голосов шумела пёстрая разноязычная толпа. Грузчики, матросы, купцы, мытники²⁶, стражники что-то оживлённо сообщали друг другу, куда-то спешили и ударяли по рукам, помогая себе при этом выразительными жёстами и острым словцом. Были здесь свеи²⁷, даны²⁸ и ляхи²⁹, варяжские³⁰, персидские и иные гости.

Уплатив лодёйное³¹ и вёсчее³², Степан Дормидонтович велел приказчику Прокше Ломову везти товар на склады Русского Торгового Двора. Сам же, с сыном, погрузив на телегу несколько бочек и тюков, двинул на улицу *Святого Якова*, где жил старинный приятель Шалого, золотых дел мастер Ханс Хорнер. Уже выезжая из ворот порта, чуть было не задавили какого-то мужика в грязной посконине³³. Тот, обернувшись, обвёл гостей мутным взором и, качаясь, направился в сторону трактира «*У старого Перевоза*».

– Ишь, с заранья готов! – улыбнулся Кирилл и стегнул лошадей...

...Ханс Хорнер отложил штихель³⁴. Перед ним на кры-

том синим сукном столе возвышался золотой кубок, усыпанный драгоценными камнями. Словно капельки росы сверкали на нём крупные диаманты³⁵, охватывая ободком нижнюю часть кубка. Чуть выше, расположенные в виде цветков, красными, зелёными искрами вспыхивали рубины и изумруды. Пространство между ними занимали сцены охоты. Вот олень, пригнув голову с острыми ветвистыми рогами, мчится на всадника, занёсшего копьё; вот вы́жли³⁶ обложили вставшего на задние ноги медведя и яростно облаивают его. Все фигуры как живые...

Ханс невольно залюбовался своей работой. Настоящий кунстштюк³⁷! Такую вещь не стыдно поднести самому королю. Недаром Ханс считается в Любэке лучшим мастером цеха золотых дел. Жаль, но завтра кубок придётся вручить заказчику – графу Голштинскому Адольфу II. И непременно в срок: граф не терпит проволочек и не любит долго ждать. В прошлом году, когда задержали на один день колье для его жены, учинил скандал. Так что лучше от греха подальше, как говорится: *«С господами вишен не ешь – косточками забросают!»*...

Ханс вздохнул. Всякий раз почему-то грустно расставаться со своими работами. Сколько фантазии, сил и времени вложено в каждую. И всё для того, чтобы не увидеть их больше никогда. Приятно, что твой труд приносит людям радость. Но всё же, отдавая им изделие, Ханс как бы отрывал

частицу самого себя. А ведь этот кубок, пожалуй, лучшее, что он создал за последние семь лет...

«Да, быстро мчатся годы... Вот и дочка Сабина подросла. Красавицей стала. В мать. Те же, как утреннее море глаза, те же светло-русые с нежным отливом волосы, гибкий стан, улыбка. Всё то же. Только ещё красивее. В самой поре девка-ягодка. Давно ли ребёнком на руках носил? И вот теперь, поди ж ты, невеста. Видела бы её покойница Анна! Как бы порадовалась доченьке!.. Конечно, красота Сабини не осталась незамеченной. Видные женихи просили её руки. Среди них и мастер янтарного цеха Отто Шляйхер. Человек почтенный и богатый. Имеет большую мастерскую, дюжину учеников и подмастерьев. У него всегда много заказов и деньги рекой текут в сундуки. Сабина была бы за ним как за каменной стеной. Но не поглянулся ей Отто. Пришлось отказать ему, как, впрочем, и другим женихам, сославшись на чрезмерную молодость невесты – шла Сабине в ту пору четырнадцатая весна.

Как-то теперь сложится её судьба?..».

...Размышления Ханса неожиданно прервал громкий скрип открывающихся ворот. Хорнер выглянул в окно – во двор въезжал небольшой воз, на котором сидел давнишний приятель Степан Шáлый а рядом – молодой человек, лицом весьма похожий на него. Был он лет восемнадцати-двадцати, рослый, крепко сбитый. Смуглое от загара ли-

цо с ярко-синими глазами обрамляла шапка тёмно-русых волос. «Сын!» – радостно догадался Ханс.

Дав гостям умыться и переодеться с дороги, Ханс пригласил их отобедать. Стол, накрытый белоснежной кружевной скатертью тонкого голландского полотна, был украшен розами в расписных стеклянных вазах. Вокруг них, в тонких фарфоровых тарелках, лежали закуски: икра белорыбицы с лимонным соком, копчёная и ветряная³⁸ осетрина, стерлядь и сёмга, привезённые Шалым из Новгорода. Также местные блюда: приготовленная по-свёйски³⁹ (под луком и уксусом с перцем) сельдь, медвежий и свиной окорока; аппетитно дымилось жаркое – индейка, каплуны, гусь в яблоках с гречневой кашей; кровяные, жареные и копчёные колбасы; варёная телятина с тушёной капустой и маслинами; заливные языки; салат зелёный, помидоры, редис и огурцы.

– Видишь, Бинхен, какие гости дорогие к нам пожаловали! – обратился к дочери Ханс, – уважь, сердечко, принеси нам старого рейнского!

Сабина встала из-за стола и легко выпорхнула из комнаты. Кирилл, очарованный красотой девушки, долгим взором проводил её до двери, в которой она исчезла.

Длинное шёлковое василькового цвета платье, с завязками на небольшом разрезе от ворота до груди, с золотым поясом на талии, подчёркивали изящные линии её фигуры. Волосы, струившиеся на плечи, были схвачены на лбу серебряным обручем. От всей фигурки девушки веяло неповтори-

мой свежестью молодости и чистотой. У Кирилла сладко за-
ныло сердце...

Сабина быстро вернулась, неся большой серебряный кув-
шин с рейнвейном.

– Налей нам, доченька, выпьем из твоих рук! Попотчуй
гостей, подложи им горячего!

Сабина налила золотистого вина в чаши и поставила их
перед отцом и гостями. Искоса поглядывала глазами-озер-
цами на Кирилла.

– Выпьем за дружбу нашу и Новгород! – произнёс здра-
вицу Хорнер.

Кирилл поднёс чашу к губам, почувствовав на ней теп-
ло Сабининых рук. Сделав глоток-другой ароматного вина,
неприметно залюбовался девушкой. Сабина сидела напро-
тив раскрасневшаяся, перебирая пальцами коралловое оже-
релье.

– Доброе вино, – сказал Степан Шалый. – Не хуже мёда
новгородского. Налей-ка, дочка, ещё. Пусть теперь Кирилл
скажет, за что пить будем.

Сабина подошла и взяла у Кирилла чашу, слегка коснув-
шись кончиками пальцев его руки. Вздвогнув, юноша едва
не опрокинул чашу, и не заметил, когда Сабина поставила её
перед ним вновь наполненную.

– Выпьем за встречу нашу, которой мы так долго ждали! –
сказал Кирилл и глянул на Сабину.

Она смотрела на него с улыбкой. Но, встретившись с Ки-

риллом взглядом, смущённо отвела взор...

Подали третью перемену блюд. На столе появилось печенье трёх сортов, шёффенские пряники, миндаль, лесные и грецкие орехи, жареные каштаны, кизил, финики, корица в палочках и анис, топлёное молоко, сливки и венец всего дыня – свежая и в меду.

После обеда вышли в сад, расположенный позади дома Хорнера. На небольшом участке земли, обрамлённом живой изгородью из персидских⁴⁰ кустов, жасмина и лип, росли яблони и груши, черешни и вишни. Меж ними пестрели клумбы цветов – розы, тюльпаны, георгины и нарциссы.

Дальше протянулись аккуратно ухоженные кусты крыжовника и смородины. Несколько поодаль – грядки с дынями.

– О, я вижу, Ханс, ты не только золотых дел мастер, но и садовод отменный! Как растишь ты сии плоды? – спросил Шалый-старший, глядя на лежащие на земле созревающие дыни.

– Не я это, а дочь моя Сабина. Всё здесь возделано её руками. Поведай, Бйнхен, гостям!

– Особого секрета тут нет. Нужны только желание да терпение. Забот, правда, много. Сначала мочим семя в подслащённом молоке, или в настое дождевой воды с овечьим помётом, либо конским навозом. Перед посадкой землю снять на два локтя. Дальше застелить яму навозом и покрыть её землёй. Сделал борозды в пол-локтя глубиной – сади семена.

Сверху всё покрой рамами слюдяными. Потом только солнце давай. И урожай будет отменным.

– А ещё, чтобы саженцы деревьев и кустов быстрее росли, – добавил Хорнер, – корни их перед посадкой надо погрузить на ночь в ведро с водою, где растворены две ложки мёду.

– Дивно вельми⁴¹, произнёс Степан, – вернёмся в Новгород – непременно попробуем.

– Отчего не попробовать, – улыбнулся Ханс...

...Степан и Кирилл воротились на гостиный двор поздно вечером. Солнце уже село. Выпала роса. Из соседних переулков пахнуло крапивой, лебедой и полынью. Наскоро умывшись, легли спать. Назавтра предстоял трудный день: с утра начинался рыночный торг.

Глава 2. Лев готовится к прыжку

Было далеко за полдень, но на Любёкском рынке и в прилегающих к торговой площади улочках, в лавках и ремесленных мастерских, ещё шла бойкая торговля. Словно потревоженный гигантский улей гудела огромная разноязыкая людская толпа. К неимоверному шуму голосов примешивалось мычание коров, блёяние овец, ржание коней, визг и хрюканье свиней, кудахтанье кур. В жарком воздухе висел густой дух пряностей и воска, мёда, сена и дёгтя. Временами от лотков прасолов⁴² доносился аромат пирогов и печёной дичины.

Торг – нутро города. Все сословия, все ремёсла, всякий его житель идут сюда в надежде приобрести нужную вещь или продукты, а то и просто поглазеть на живописную картину. Да, здесь есть на что посмотреть и что купить! Глаза разбегаются от обилия товаров, выставленных на прилавках. Вот горы сушёных фруктов: яблок и слив, груш и прозрачного, как слеза, изюма. А рядом – столы, заваленные финиками, мускатным и грецким орехом. Дальше – благовония, духи и ароматическая вода в серебряных флакончиках. А вот лавка суконщика. Зазывно мánят покупателей постáвы⁴³ тончайшего флáндрского⁴⁴ сукна «брюкши» и лёгкие кашемíровые⁴⁵ материи, воздушные фря́жские⁴⁶ кружева и тяжёлый оловíр⁴⁷. Сам хозяин быстро развора-

чивает полупрозрачные полотнища китайского шёлка ярких расцветок, которые с прохладным шелестом скользят меж его ловких рук. Ближе к ва́жне⁴⁸ расположились вперемежку ли́хвари⁴⁹ и щепети́льники⁵⁰, мясной, медный, серебряный и янтарный ряды. Напротив стоял балаган шпильманов – бродячих музыкантов и артистов. За плотным по́логом их шатра слышалось пение, грохот бубнов, звон гúслей, то и дело прерываемые громким хохотом зрителей.

Степан Шалый давно уже всё про́дал и теперь ходил между рядов, прицениваясь к заморскому товару. Остановился у железного ряда. Сбавляя це́ну, долго спорил со свейским торговым гостем Бе́ргом Юханссоном. Тот сначала упирался быко́м, но под конец сдался. Согласились на шести марках за пуд⁵¹. Ударили по рукам. Взял семьдесят пудов отличного све́йского железа. Напоследки у суконщика из Ке́льна Пауля Руфа обменял полпуда рыбьего зуба⁵² на три девятнадцатимарковых поста́ва шёлка и семь восьмимарковых поста́вов сукна. Да ещё и пополю́нок⁵³ выручил – бе́рковец⁵⁴ соли по две марки за пуд. Пospел в самый раз: ровно в шесть вечера ударили в било, что означало конец торга. Потом с Кириллом, Прокшей и Онуфрием возили товар на гостинный двор. А покончив с делами, прихватили Ханса Хорнера и вместе с ватагой других новгородских купцов двинули в трактир «*Медведь*», расположенный на улице *Роз...*

...Славное пиво у Иогáнна Кúмпа. Духовítóе, на хмелю. Выпьешь пару кружек – закачаются вдруг стены, поплывут мимо дубовые лавки и столы, веселее затрещат поленья в огромном камине. Ну, а если тебе прислуживают дочки Кумпа – Эрика и Лотта, тогда напиток и вовсе покажется божественным и ты не замечаешь уже ни закопчённого потолка, ни едкого дыма от вставленных в железные светцы⁵⁵ еловых лучин.

Всё есть у старóго Кумпа: и мёды⁵⁶, и наливки, и вина. Высятся по углам высокие пирамиды буковых и дубовых бочек, обитых медными обручами, с винами: нёккарским⁵⁷, мóзельским⁵⁸, ре́йнским⁵⁹ и мускатéлем⁶⁰, также с бархатным и имбёрным пивом. В глубоком каменном подвале для самых дорогих гостей стоят запотевшие глиняные корчаги с романéей⁶¹ и мальва́зией⁶². Счастлив здесь тот, кому нужны вкусная и сытная пища, хорошее вино и весёлые, но не строгие женщины...

Трактир был переполнен. Купцы и горожане, ремесленники и мы́тники⁶³ пришли сюда пропустить стаканчик-другой, отдохнуть, обсудить дела. Степан Шалый и его друзья едва отыскали свободный стол. Сели напротив шумной, уже изрядно подгулявшей компании бременских и гамбургских купцов.

Подошли Эрика и Лотта с большим подносом, на котором стояли высокие кружки с холодным пивом, аппетитно дыми-

лась жареная колбаса и ветчина в горошке, тушёная зайчатина в лапше с чесночным соусом, печёные на вертеле перепела и куропатки с луком и шафраном. Особо подали копчёную и сушёную рыбу, чёрную и красную икру свежего посола.

Короткие юбки и блузы со смелым вырезом давали возможность присутствующим по-достоинству оценить прелести девушек. Степан крякнул, с довольством и озорством потирая усы. Несмотря на свои пятьдесят четыре года чувствовал себя по-юношески молодым.

Шестое лето пошло, как схоронил он жену Настасью. А уж как любила его и... ревновала тож! Оставаясь верным памяти её, второй раз не женился. Но по девкам да по чужим жонкам нет-нет да и похаживал. Наверное, в деда пошёл, в Ондрея. Тот, сколь помнится, до женского полу дюже яровит был. Вот и Степан тоже своего не упустит. Недаром товарищи прозвали его *«Шалый – ходок по бабам бывалый»*.

– Что, хороши девахи-то? – хитро подмигнув, спросил у Степана вощёйник⁶⁴ Кондрат, дородный мужчина с ямочками на пухлых розовых щеках.

– А ничего, хотя наши-то, новгородские, стройней и тельней будут!

– Ну и с этими урядиться можно, – откликнулся седой как лунь⁶⁵ лодейный староста Павлиний. – Я, бывалоча, и с троимья управлялся.

– Вот жеребец, ему об домовине⁶⁶ мыслить надо, а он всё туда же! Силён однако ж!

– Да и ты не промах, – ткнул в бок Кондрата Власт. – Ко вдовице-то Перфильевой, как ночь, так наведываешься!

– Да в чужую бабу чёрт мёду положил!..

Дружный мужской хохот потряс стены трактира. Немецкие купцы за соседним столом обернулись и о чём-то зашептались между собой.

Выпили по второй, и по третьей. Сразу живее пошёл душевный разговор о торговых и житейских делах.

В самый разгар весёлого бражничанья Кирилл, попрощавшись с купцами, вышел из трактира.

– Никак занедужил сынок-то? – спросил Шалого Хорнер.

– Тут другое: пиво не пиво и мёд не хвала, а всему голова, что любовь дорога. Наверное, к дочке твоей, Ханс, пошёл свидаться. Их дело молодое.

– Видно, по сердцу пришлась. Ну, что ж, коли так – отдам за него Сабину.

– Гобино⁶⁷ и гривны⁶⁸ у него есть. Остальное наживут. Кирилл летами молод, но в делах разбирается изрядно. Так что с достатком всегда будут.

– Вот только разной они веры. А попам это не нравится.

– Да, попам не нравится. Но мы-то с тобой, Ханс, знаем: Бог един и вездесущ. Хотя каждый народ его по-своему зовёт. А с епископом договоримся. Перекрестит Сабину в пра-

вославие – и вся недолга⁶⁹.

– Быть посему!..

Хмельные голоса за соседним столом становились всё громче. Знатно подгуляли немецкие купцы – выпит был уже не один бочонок пива и густой мальвазии. Степан, сидевший к немцам ближе всех, невольно прислушался к их разговору.

– Скоро обóдритским⁷⁰ и лю́тичским⁷¹ нéхристям конец! – прорычал густым басом огромного роста купчина, и стукнул оловянной кружкой по столу. – Герцог Генрих III Лев⁷², маркграф Альбрехт I *Медведь*⁷³, датские конунги Кáнут⁷⁴, Свéйн⁷⁵ и бургундцы идут на них. Сам папа Римский Евгений III благословил крестовый поход против язычников.

– Ну, а нам оно на́ руку. Заработаем немало, – довольно молвил, почёсывая пышную рыжую бороду, его сосед и добавил: – Кнóблаух, Фúггер и Тáлеман уже пригнали в порт семьдесят кóггов⁷⁶ с оружием из Гамбурга и Бремена. Да наших двадцать сочти, и ещё пятьдесят обозов, что на подходе. Припасов и оружия хватит надолго. Здесь, в Любёке, велено ждать отряды воинов Христа. Они придут через пять дней. Граф Адольф II Голштýнский помогает нам. Вчера он сам был в гавани...

Речи купцов не на шутку встревожили Шалого. Страшная беда грозит обóдритам, среди которых у него было немало друзей и знакомцев. Один из них – кузнец Мúжко, жил на са-

мой окраине Любэка – в мызе⁷⁷ улицы *Святого Вйккерта*. Мужко наверняка связан с ободритским князем Никлóтом и найдёт способ передать ему важную весть. «Скорее к Мужко! – лихорадочно билось в мозгу. – Иначе будет поздно!»...

Хорнер заметил беспокойство друга. И когда Степан, сославшись на усталость, направился к выходу из трактира, поспешил за ним. Через час они оба-друг⁷⁸ уже стучались в калитку дома Мужко...

...Сразу за городской стеной начинались луга. Кирилл и Сабина брели по тропинке, ведущей к лесу. Только что прошёл дождь и на влажных травах самоцветами сверкали крупные капли. В прогретом дрожащем воздухе пахло васильками, ромашкой и мятой. Порхали над цветками бабочки, жужжали трудолюбивые пчёлы. Повсюду аккуратными рядами стояли кóпны свежескошенного сена, в котором нарядным узором пестрели матово-бледный белозор и серебристо-синие бессмертники, ярко-красный воронец и лазоревый цикорий.

Вышли к реке. Кирилл собрал большой букет полевых цветов и протянул его Сабине.

– Ты это мне? – удивилась девушка.

– Да, тебе, берегíня.

– А кто это?

– Так у нас в Новгороде русалок зовут.

Она и впрямь была похожа на русалку. Задира-весённый разметал по плечам волосы, спутал их с венком из ромашек на голове.

– Мне ещё никто и никогда не дарил цветов, – смущённо, и в то же время радостно призналась Сабина.

Радость светилась в её глазах, сложила в улыбку губы. Сабина раздумчиво посмотрела на Кирилла и вдруг уронила букет. Оба бросились собирать рассыпавшиеся цветы. Склонившись над букетом, Кирилл слегка коснулся руки девушки. Горячая волна обожгла обоих. Обоим стало почему-то страшно и тёмно. Громко забились сердца. Разом и слитно. Кирилл видел её глаза, её губы, раскрасневшиеся от разлитого по телу сладостного жара, ощущал тонкий аромат её волос... Слившись в долгом поцелуе, они растворились в бурном потоке нежности и любви...

...Хорнер и Шалый возвращались от Мужко. Густели сумерки. На небе зажигались первые звёзды. Город готовился ко сну. Улицы были пустынные. Лишь изредка навстречу попадались одинокие прохожие да сторожа, расставлявшие рогатки и цепи, дабы защитить Любёк от разбойников и ночных татей-воров.

Погружённые в мысли о только что состоявшейся беседе с Мужко, друзья не сразу заметили, что за ними по пятам неотступно следует какой-то человек в чёрном плаще и шляпе, низко надвинутой на глаза.

Дойдя до угла Английской улицы, незнакомец тихо свистнул. Тóтчас из темноты вынырнули три мужских фигуры и окружили путников.

– В чём дело? – спросил Шалый.

– Деньги, да поживее, коли жизнь дорога! – раздался грубый голос стоявшего в центре верзилы, по всему – главаря шайки. В руке его холодно блеснул кинжал.

– Прочь с дороги, лиходей! – осерчал Степан и шагнул вперёд, увлекаая за собой Хорнера.

– Ах так! – прорычал грабитель. – Ну, получай же!

Верзила замахнулся кинжалом, но Шалый перехватил руку бандита своей железной ладонью и круто повернул её. Раздался сухой хруст и кинжал со звоном упал на землю. Нечеловеческий вопль взорвал тишину квартала: держась за сломанную кисть здоровой рукой, верзила катался по земле.

– Что стоите, болваны! Кончайте с ними! – злобно провизжал главарь банды. В тот же миг Степан почувствовал острую боль под левой лопаткой. В глазах поплыли огненно-жёлтые круги. Ноги враз отяжелели, словно были из свинца. Усилием воли Шалый обернулся к бандиту в чёрной шляпе, и, уже падая, вонзил ему в горло свой кинжал. Последнее, что увидел Степан – это бездыханное тело друга, рядом с которым кто-то лежал, и стражников, выбегающих из-за угла. Потом наступила темнота...

...Кирилл проснулся от холода. Открыв глаза, увидел низкий, в паутине потолок и сырые, обомшелые стены. Сквозь узкое зарешечённое оконце пробивался тусклый свет. Пахло плесенью и мышами. Едва Кирилл поднялся с кучи соломы, заменявшей ему постель, как послышалось звяканье ключей. Со ржавым скрипом отворилась окованная железом дверь и в подвал вошёл тюремщик. Молча поставил на шаткий стол горшок с бобовой похлёбкой, ломоть чёрствого хлеба и кружку кислого пива. Так же молча повернул к двери. Уже на пороге тюремщик остановился и, словно о чём-то вспомнив, полез рукой за пазуху. На его сытой и красной от беспробудного пьянства роже мелькнула довольная улыбка. Достав небольшой узелок, бросил его Кириллу.

– Держи. От твоей сучки! Только зря она носит, парень, скоро болтаться тебе в петле! Тюремщик басовито захохотал и шагнул за порог. Снова щёлкнул замок и всё стихло.

Кирилл развернул узелок. Там лежали: половина жареного гуся, дюжина яблок и кусок ещё тёплого пирога с грибами. На чистой белой тряпице виднелись пятна пролитого вина.

«Опять жрал, скотина, и вино уволок! – выругался Кирилл. – И сколько же в тебя влезает, живоглёт?!».

Каждый раз, когда узникам приносили еду, тюремщик оставлял ббльшую часть себе, издевательски приговаривая при этом: «Всё равно вам подыхать, а мне жить долго. Поэтому я должен хорошо есть».

Вот уже пятый день сидит Кирилл в тюрьме. Кто-то зако-

лол начальника городской стражи Брюкнера, который часто незаслуженными штрафами досаждал горожанам, и особенно заморским купцам. Убийство произошло на *Английской* улице, неподалёку от места трагической гибели Степана Шалого и Ханса Хорнера. В груди у Брюкнера торчал кривой кинжал. На рыбьего зуба рукояти была выбита монограмма – русские буквы «К. Ш.». Стали искать убийцу среди русских торговых людей. Купцы, жившие на Торговом Дворе, сразу признали оружие Шалого-младшего: видели не раз у него на поясе дорогую вещь старой индийской работы.

Сам Кирилл не отрицал, что кинжал его. Но как он оказался в груди у Брюкнера – понятия не имел! Да, он был на *Английской* улице в тот злополучный вечер, провожал Сабину домой. Однако Брюкнера не убивал. Кинжал же потерял накануне, в порту, когда с Прёкшей Лóмовым грузили товар. Но судья и слушать ничего не хотел. Куда там – все улики налицо! Поди докажи, что ты чист пред Богом и людьми.

Кирилла взяли под стражу в день похорон Шалого и Хорнера. Не дали даже по-человечески с ними проститься. И с Сабиной тоже. Теперь ему грозит смертная казнь. Хорошенькое дельце – умереть ни за что ни про что в неполные девятнадцать лет!..

...Взяв пирог, Кирилл принялся машинально жевать. Куснул раз, другой. Неожиданно зуб попал на что-то твёрдое. Кирилл разломил пирог и увидел небольшую железную пил-

ку. «Сабина! – осенила догадка. – Это она, любба моя единственная. Кто же ещё мог придумать такое кроме неё. Умница!». Кирилл вдруг вспомнил, как смотрела на него девушка на кладбище. В безутешном горе она выплакала все слёзы. В сухих с покрасневшими веками глазах залегла глубокая печаль. Но взгляд их говорил: *«Чтобы ни случилось, я всегда с тобой, милый!»*. А когда стража уводила Кирилла в городскую любёкскую тюрьму, Сабина обняла его и, поцеловав, шепнула: *«Сеющий слёзы радость познает. Жди – и спасенье придёт!»*...

...Покончив с ужином, Кирилл подошёл к двери и прислушался. Ни звука. Быстро вернувшись, придвинул к окну стол и, взобравшись на него, начал подпиливать решётку...

Глава 3. Никлót принимает решение

Получив тревожные вести от купцов и лазутчиков, Никлót созвал Большой Совет. В тронном зале Великиградского дворца собрались старейшины ободритской земли. Просторное помещение украшали искусно вырезанные фигуры зверей. По стенам, раписанным сценами войны, жатвы и охоты, висели медвежьи шкуры и почётные бранные трофеи – длинные баварские мечи и мизерекбóрдии⁸⁰, золочёные дóньские⁸¹ шлемы, панцири и кольчуги, боевые топоры, разноцветные щиты и самострелы. Пространство между ними занимали рога лосёй и оленей, туров и кабанов.

Один за другим входили знатные ободритские мужи, умащивались на тяжелые скамьи вокруг гигантского стола. Не раз в этом зале решали они важные дела, совместно справляли праздники, а долгими зимними вечерами и в осеннюю непогоду пили мёды, слушая певцов и сказителей...

Никлót зánял место во главе стола. По правую руку от него расположился брат Любомир, сыновья Прибыслав и Вартислав, старейшины Мíлидух, Вячко и Удо. По левую сели тысяцкие Дёрван с Лаврítой и прибýвшие от гользáтов⁸² из Вагрии⁸³ Фéргот и Мáркорад.

Никлот поднялся с трона и окинул взором собравшихся.

– Донесли мне верные люди – Генрих Лев, Кáнут и Свейн идут на нас. Сто тысяч конной рати скоро будут здесь. Из Гамбурга и Бремена тайно прибыли караваны людей с оружием и припасами. Адольф II, граф Голштинский, недавний наш союзник, нарушил слово – позволил им стать в Любэке у дальних вы́молв⁸⁴. Оттуда намечает враг доставлять всё на потребу ратникам и лошадям.

Никлот задумался, а затем продолжил:

– Беда грозит не только нам. Другое войско под началом Адальберта Медведя Аскáния готово обрушиться на братьев наших лю́тичей и Поморье. Сам папа Римский Евгений III призвал во что бы то ни стало на этот раз стереть с лица земли или веру нашу, или род славянский. Что мыслите, отцы?

Первым взял слово Мíлидуч.

– Ждать, когда враг придёт и разорит землю нашу, нельзя. Надо опередить звериную свору! Закопаем добро, уведём в леса и укреплённые гра́ды людей и скот. Дома и постройки сожжём, дабы не оставить воинам Христовым ни одного человека, ни одного куска хлеба, ни клочка сена. На голодное брюхо не очень-то повоюют!

– Княже! – младший сын Никлота Ва́ртислав нетерпеливо вскочил со скамьи. – Вели разгромить Любэ́к! Раздавлив осиное гнездо, мы обезопасим себя с Запада.

– Ва́грию надо сжечь! – подхватили в один голос Фэ́ргот и Ма́ркрад. – Совсем не стало нам житья от инозем-

цев. Об этом просит тебя народ гольза́тский. Опустошив Любёк и поселения саксов и колонистов на вагрской земле, вырвешь почву из-под ног крестноносцев. Немало потратят они времени, чтобы возместить военные припасы.

– Верно, – откликнулся молчавший до поры Удо, – но вы забыли, что флот Кáнута и Свёйна господствует на море. Они наладят подвоз припасов. Помешать же дóньскому флоту могут лишь братья наши руяне⁸⁵. Князья Тётислав, Бутуй, Яромир и Ра́це помогут нам. Пока не поздно, шли в Аркóну⁸⁶ гонца, княже! И к лютичам тож...

...Пока говорили старейшины, Никлót обдумывал план дальнейших действий. Враг силён и коварен. Не так-то просто будет его одолеть. Особенно герцога Саксонии Генриха III Льва из рода Вельфов. Никлот хорошо его знал. Генрих молодой, да ранний. И в свои восемнадцать лет, наверное, даже во сне видит себя завоевателем и покорителем земли славянской. Для достижения заветной цели – создания обширного княжества, которое послужило бы основой преобладания рода Вельфов в Германии он пойдёт на всё. И, конечно же, постарается это сделать быстрее своего двоюродного дяди Адальберта Медведя из дома Аскáниев, которого ненавидел и с которым вёл упорную борьбу за Саксонию ещё отец Генриха Льва – Генрих X *Гордый*, герцог Баварии.

Началось это 4 декабря 1137 года, когда возвращаясь из Итальянского похода, в деревне Брайтенванг, что близ города Рóйте в Тирóле, умер король Германии Лотарь III

Саксонский фон Супплинбург. Будучи слабым императором, он постоянно лавировал между домом Гогенштауфенов, герцогов Швабских, имевших влияние во Франконии, и домом Вельфов, герцогов Баварских.

Сблизившись с Генрихом X Вельфом по прозвищу *Гордый*, Лотарь III выдал за него замуж свою единственную дочь Гертруду. На смертном одре Лотарь III Супплинбург присвоил Генриху X Гордому титул герцога Саксонии и, как своему преемнику на престоле, вручил зятю инсигнии – атрибуты императорской власти: трон, корону⁸⁷, державу⁸⁸, скипетр⁸⁹, меч и мантию⁹⁰. Опасаясь усиления могущества Генриха X *Гордого* и не желая видеть на его голове корону императора Германии, 7 марта 1138 года на досрочном и тайном рейхстаге⁹¹ в городе Кобленце князья поспешили избрать на престол герцога Франконского Конрада III Гогенштауфена. А уже 13 марта 1138 года в Аахене короновали его императором Германии. Тотчас своим сюзереном новоиспечённого монарха признали Лотарингия, Франкония и Швабия.

Конрад III Гогенштауфен приложил немало усилий чтобы упрочить позиции своего верного союзника, графа Балленштётского Альбрехта I Медведя из рода Асканиев по прозвищу *Красивый*. Оба они считали чрезмерными аппетиты Вельфов, предъявлявших претензии сразу на два герцогства – Баварию и Саксонию. За обладание ими началась внутренняя война между Гогенштауфенами и Вельфа-

ми, которая шла с переменным успехом. Захватив после ряда сражений крепость Любнебург, города Бардевик и Бремен, Альбрех Медведь овладел западной Саксонией и землёй нордальбингов⁹².

Досталось «на орехи» и союзникам Генриха X *Гордого* Вельфа: граф Голштинский Адольф II фон Шауэнбург был изгнан из своих владений, а его земли с крепостью Зигеберг, которые ещё в 1111 году от Императора Лотаря III фон Супплинбурга получил в лен⁹³ его отец, граф Голштинский Адольф I, были отданы любимцу дома Асканиев – графу Генриху фон Бадевите. Однако вскоре фортуна вновь улыбнулась Генриху X *Гордому* из дома Вельфов. При поддержке своей тещи Рихензы (вдовы покойного императора Лотаря III Саксонского фон Супплинбурга) он изгнал Альбрехта Медведя из Саксонии.

Адольф II Голштинский вернулся в свои владения. После этого Генрих X Гордый успешно атаковал армию короля Конрада III Гогенштауфена, вторгся в Тюрингию и в местечке Круцибург вынудил того заключить перемирие. Вернув себе Саксонию, Генрих X Гордый Вельф 20 октября 1139 года, будучи совершенно здоровым, внезапно и загадочно умирает в расцвете сил на 25-м году жизни в Кведлинбурге, якобы, «от лихорадки». Поговаривали, что его отравили люди Альбрехта Медведя...

Похоронили Генриха X Гордого в Кёнигслуттерском кафедральном соборе, рядом с Лотарем III. А герцогство Сак-

сонию унаследовал его десятилетний сын Генрих Лев Вельф.

Права малолетнего внука в Саксонии защищала вдова императора Лотаря III и бабка Генриха Льва – Рихенза, а в Баварии – дядя – Вельф VI по прозвищу *Горбун*.

С этим не мог смириться Император Конрад III Гогенштауфен, который 21 декабря 1140 года вместе со старшим братом, герцогом Швабии, Фридрихом II по прозвищу *Одноглазый*⁹⁴, разбив войска Вельфа VI под Вайнсбергом, взял в осаду этот родовой замок и город Вельфов, расположенный в земле Баден-Вюртемберг недалеко от города Хайльбронн. Сам Вельф VI *Горбун* тогда едва избежал плена. Осада длилась долго. Силы защитников таяли с каждым днём, и было ясно, что им не выстоять..., как вдруг император Конрад III объявил, что все мужчины Вайнсберга будут казнены как мятежники, а находящиеся в городе и замке дети и женщины могут уйти, взяв с собой то, что они смогут унести на себе. Вскоре из ворот замка потянулась вереница измождённых женщин, каждая из которых несла на спине своего мужа, сына или брата, этим спасая их от неминуемой смерти. Старший брат короля, герцог Швабии Фридрих II *Одноглазый* пытался остановить шествие, крича, что королевское слово истолковано превратно, мол, разрешено вынести имущество, а не мужей. Но Конрад, засмеявшись, ответил брату: *«Королевское слово неизменно!...»*.

Это событие называли *«Weibertreu»* – *«Женская верность»*, и о нём Никлот был наслышан. А война Штауфенов и Вель-

фов продолжалась. Но через два года был заключён долгожданный мир: в мае 1142 года на съезде князей (рейхстаге) во Фрэнкенфурте⁹⁵ 13-летний Генрих Лев отказался от Баварии и был провозглашён герцогом Саксонским. А его противник Альбрехт I *Медведь Асканий* отрёкся от Саксонии, получив взамен прежние свои владения, и среди них – Северную мэрку⁹⁶. Баварию же император Конрад III Гогенштауфен ещё в 1139 году пёредал в лен сначала маркграфу Австрийскому Леопольду IV Бабенбёргу, сводному брату по матери, Агнессе фон Вайблинген⁹⁷, а после его смерти в 1141 году, другому сводному брату и младшему брату Леопольда IV – Генриху II Бабенбергу по прозвищу *Язомирготт*, которое он получил из-за своей привычки часто приговаривать: «*Ja so mir Gott helfe!*» (нем. «Да поможет мне Бог!»).

7 июня 1142 года Император Конрад III праздновал Троицу во Франкенфурте, куда он пригласил князей Баварии и Саксонии. Чтобы окончательно примириться с ними и с Вельфами, Конрад III выдал здесь замуж вторым браком мать Генриха Льва (вдову герцога Генриха X *Гордого*) Гертруду за своего сводного брата Генриха II *Язомирготта*. Свадьбу праздновали с королевской пышностью 40 дней. Но счастье молодожёнов длилось недолго: 18 апреля 1143 года, в день своего рождения, Гертруда, подарив супругу дочь Рихарду, в возрасте 28 лет скончалась от тяжёлых родов.

В Саксонии, Баварии и Австрии был объявлен глубокий траур...

В том же 1143 году граф Адольф II Голштинский фон Шауэнбург, получив в лен от герцога Саксонского Генриха III Льва Вельфа крепость *Зигеберг* и Вагрию, на холме *Бу́ку* (*Бу́ково*, *Буковец*), что стоял на лесистом заболоченном полуострове между реками *Тра́ве* и *Ва́кеници*, построил первый немецкий портовый город *Любе́к*. Ниже по течению реки *Тра́ве* (там, где в неё впадает речка *Шва́ртау*) когда-то располагалась христианская славянская крепость и небольшой торгово-ремесленный посёлок *Люби́ца* (что по-вендски означает «*Любимая*», «*Красавица*»), разрушенная и сожжённая язычниками-руянами князя Раче (Рахе) в 1138 году во время религиозной войны. В память о Любице Адольф Голштинский назвал город *Любе́к*. Приглашённые сюда переселенцы из Саксонии, Вестфалии и других земель построили чисто немецкий город с регулярной планировкой, в котором ремесленники и торговцы селились по профессиональному признаку и образовали в *Любе́ке* свои районы: оружейников, пекарей, суконщиков, бондарей...

Закончив строительство *Любе́ка*, Адольф II Голштинский укрепил замок *Зигеберг*, обнёс его высокой стеной и сделал своей постоянной резиденцией. А после этого послал гонцов во Фландрию и Голландию, Вестфалию и Фризию с приглашением занять лучшие земли Вагрии. Первыми прибыли гольза́ты. Они осели в самых безопасных областях к запа-

ду от Зигеберга – по реке Тра́ве, на полях Свенти́нефельда, на вагрской земле, которая тянется от реки *Сва́лы* до реки *Агримéсов* и *Плу́ньского* озера.

Даргу́нский же округ на западе вагрской земли заняли вестфа́льцы; Утинский округ – голландцы; Сусле – фри́зы. Лишь Альденбург, Люти́линбург и худшие земли, примыкающие к морю, Адольф II Голштинский оставил славянам и они стали его данниками. С Никло́том же был заключён догово́р о дружбе и помощи на слúчай войны...

«Хорош союзник!» – усмехнулся Никло́т. Накануне он направил Адольфу послание: *«Я решил быть твоими глазами и ушами в земле славянской, которую ты на́чал заселять, чтобы славяне, некогда владевшие ва́грской замлëй, не причиняли тебе обид, оправдываясь тем, что они несправедливо лишены наследия своих отцов. Почему же ты оставляешь друга своего в по́ру нужды? Разве дружба не проверяется в несчастье? До сих пор я удерживал руку славян и они не причиняли тебе вреда. Теперь же я могу отнять свою руку и предоставить тебя себе самому, потому что ты с презрением отверг друга своего, забыл о договоре и отказал мне во встрече с тобою в минуту нужды⁹⁸»*.

Послы графа отвечали: *«Наш господин в этот раз не может беседовать с тобой, потому что это нанесло бы обиду другим государям. Так сохрани же доверие к господину нашему и свои обязательства по отношению к нему. И, если ты увидишь, что славяне готовят войны против него, ока-*

жи ему поддержку⁹⁹ ...».

«Адольф ведёт двойную игру! — Никлёт нахмурил чело. — Нет, нельзя ему доверять. Ясно, как Божий день, что граф, прельстившись возможной добычей, нарушил данную клятву и уже давно вступил в тайный сговор с крестоносцами. Пока его послы уверяли в дружбе, Адольф готовился к войне. Недаром ведь граф предупредил жителей Вагрии: *„Имейте надзор за скотом и имуществом вашим, чтобы они случайно не подверглись разграблению со стороны воров или разбойников. Об общей безопасности будет моим делом заботиться, чтобы вы не подвергались какому-либо непредвиденному нападению войска¹⁰⁰ ...“* — Лицо Никлота выражало презрение. — Да, вот уж поистине — *с медведем дружись, а за топор держись!* Сам граф нож точит, а говорит „не бойсь!“. Но и мы не лыком шиты. Есть управа и на графа: вторгнуться в Вагрию и уничтожить все поселения колонистов — голландцев и фризов, вестфальцев и штурмаров. Но гользатов не трогать. Их сразу же станут подозревать в связи со мной. А это посеет семена раздора в стане врага и вынудит крестоносцев отложить день выступления. Кроме того, разорение Вагрии подорвёт силы Адольфа II Голштинского и он не сможет больше рассчитывать ни на силу колонистов, ни на своих недавних подданных вагров.»...

— Твоё слово, княже! — вывел Никлота из раздумий голос Милидуха. Князь поднялся. Все внимательно глядели на него, понимая, что сейчас будет сказано главное.

– Мешкать боле нельзя. Выступаем сегодня по вечерней заре. Войско и лошадей грузить на лоды тихо. Конные отряды в Вагрию поведут мои сыновья Прибыслав и Вартислав. Гользатов не трогать! Сам иду на Любэк. Любомиру – ехать немедля в Дóбин¹⁰¹ и готовить город к обороне!

Глава 4. Новые друзья

...Кирилл отогнул последний прут решётки. Всё. Теперь путь на волю свободен! Гудели натруженные пилкой руки, сердце бешено колотилось в груди. С трудом протолкнув тело в узкую щель окна, юноша спрыгнул в густые заросли чертополоха и притаился. Никого. Только из помещения охранников городской тюрьмы доносился громкий храп. «Спите, чёртовы стражники, – усмехнулся Кирилл, – спите, да покрепче. Чтоб вы околели! Когда проснётесь, я буду уже далеко!». Сегодня день поминовения святых Иоанна и Павла, но охранники тюрьмы, как впрочем и другие жители Любёка, начали отмечать этот праздник со вчерашнего вечера и все перепились...

...Нашупав в заборе подгнившую доску. Кирилл отодвинул её и выбрался на улицу *Горшечников*. Отсюда рукой подать до дома Хорнера. Кирилл решил не показываться на гостином дворе, а, забрав Сабину, пробраться на отцову лодью и бежать вдвоём в Новгород. Сабина наверняка предупредила Прокшу Лёмова и тот всё приготовил к отплытию...

...Ночь уже переломилась к утру, когда Кирилл и Сабина, прихватив зажиток¹⁰², подходили к порту. Догорали в небе *Стожары*¹⁰³, *Лось*¹⁰⁴ повернулся хвостом в зарю.

Бледнели яркие звёзды – приближался рассветный час. Голубой холодок стлался над ещё спящим Любёком. Чуть дымила утренняя туманом *Тра́ва*. Внизу, у пристани, вытянувшейся длинной чёрной полосой причалов, смутными тенями угадывались корабли. Ветер лениво полоскал ветрила шнеков¹⁰⁵, сойм¹⁰⁶ и па́узков¹⁰⁷, рядом с которыми тёрлись бортами тяжёлые когги¹⁰⁸ и насады¹⁰⁹.

У ворот пор́та, обняв копьё, дремал сторож. Рядом с ним валялась порожняя сулея¹¹⁰. Прокравшись мимо него, Кирилл и Сабина направились к вымолу¹¹¹, у которого стояли лодьи Шалого. Неожиданно из-за склада показались морские стражники.

– Сюда, быстро! – шепнул Кирилл и потянул Сабину к куче старых пеньковых канатов.

Стражники, о чём-то весело болтая, медленно приближались к ним.

– Послушайте, что это там шумит? – спросил вдруг приятелей один из них, указывая в сторону посада, где жили купцы и ремесленники.

– В башке у тебя шумит, Юрген! Не надо было мешать пиво с вином. На вот, хлебни глоточек старого рейнского. Враз полегчает.

– Да нет же, – настаивал первый, – говорю я вам, слышу какой-то гул и крики!

Все трое остановились и, вытянув вперёд по-гусиному

шей, стали вглядываться в предрассветную мглу. Выглянуло солнце. Лучи его, скользнув по верхушкам дерев, осветили торгово-ремесленное предместье. Было хорошо видно, как из домов богатых горожан и купцов в одном белье выскакивали люди. С громкими криками они бежали в сторону Любёкского замка. Сзади толпу быстро настигала серая масса конных и пеших воинов. Путаясь в длинной сутане¹¹² впереди всех мчался священник. Его бритый затылок блестел под солнцем, точно новый грош.

– *Mein Gott*¹¹³, *námp*¹¹⁴ Рудольф! – испуганно вскрикнул тот стражник, которого звали Юргеном. – Три дня назад он крестил моего сына...

Священнику оставалось пробежать до крепостного моста несколько десятков шагов, как вдруг со стороны рыночной площади наперерез выскочил большой отряд конников. Молниями сверкнули мечи и Рудольф упал, обливаясь кровью.

Тем временем отряд, вздымая клубы пыли, ринулся к порту.

– *Donnerwetter krutifiks!*¹¹⁵ – выругался один из стражников.

– Бей тревогу, Вёрнер!

– Ты что, спятил, Клаус!? Какая к дьяволу тревога! Надо уносить ноги, пока сами целы. Видишь сколько их!..

Стражники побросали тяжёлые копья и прытко сигану-

ли в близлежащий чёлн. Лихорадочно работая вёслами, они гребли к противоположному берегу *Травы*, где синел густой лес. Между тем шум и паника в городе усиливались. Пылали дома богатых любёкцев. Испуганно ревел скот. По улицам в поисках убежища беспорядочно метались люди. Ударил сполошный¹¹⁶ колокол. Поздно: смяв заслоны, дружины Никлота пробились в центр Любёка и окружили крепость. Кирилл и Сабина бросились к причалу. Мимо, не обращая на них никакого внимания, с вытаращенными от ужаса глазами бежали купцы, стражники, матросы. Все спешили в дальний угол порта, к кораблям. Вдогонку им летели стрелы и копья – отряд всадников ворвался на пристань. Дробно простучали по дощатому настилу подковы лошадей и перед опешившими молодыми людьми очутился витязь в чешуйчатой броне.

– Кто такие? – грозно спросил он по-немецки.

– Торговый гость из Новгорода Шалый. А это... это невеста моя, – покраснев ответил Кирилл.

– Ведите к Дёрвану! – приказал ратникам витязь, – там разберутся кто вы такие есть на самом деле.

Покидая порт, Кирилл оглянулся. Воины Никлота рубились с охраной кораблей. Бой шёл на пристани и у торговых складов. С объятых пламенем судов, надеясь спастись, прыгали в воду бременские и гамбургские купцы. Но повсюду настигали их меткие стрелы и острые мечи ободритов...

...Тысяцкий¹¹⁷ Дерван стоял на вершине невысокого холма. Напротив серой громадой возвышалась Любекская крепость. Трижды штурмовали её отряды Дервана и всякий раз откатывались назад – высокие толстые стены и глубокий ров надёжно защищали немцев.

«Да, видно без длинных лестниц и осадных машин крепости не взять. – озабоченно размышлял Дерван. – Но у нас их нет...».

Ратники Дервана готовились к очередной атаке, когда от Никлота прибыл гонец. Князь велел штурм прекратить, но осады не снимать: ночью враг попытается прорваться к Адольфу Голштинскому в Зигеберг. Тогда придётся иметь дело с крупными силами графа. Это, однако, не входило в планы Никлота – людей надо беречь для будущих тяжёлых сражений...

...К шатру Дёрвана подходили со всех сторон воины, гоня перед собой пленных саксов. Добытое в бою оружие и богатства складывали у подножия холма. Отдав необходимые распоряжения, Дёрван поехал проверять посты. Кириллу и Сабине пришлось дожидаться его до глубокой ночи. Сурового вида ратник накормил их ужином, затем ввёл в шатёр Дервана.

– Подойдите ближе!

Дерван сидел на небольшом возвышении, застланном коврами. Справа от него находились сотские¹¹⁸ Брячко и Лихослав. А слева, опершись на двуручный меч, стоял витязь в че-

шуйчатой броне. Это был Мўжко.

Сделав несколько шагов, Кирилл и Сабина остановились посреди шатра. Качнулось пламя смоляных факелов. Чёрные тени метнулись по стенам шатра.

– Чьи вы будете и как оказались в порту? – Дёрван пристально оглядел вошедших. Кирилл повторил то, что он отвечал воину в чешуйчатой броне, задержавшему их на причале.

– Так значит, ты сын Степана? – Дерван охватил цепким взором ладную фигуру юноши. – То-то вы́гляд будто знакомый... И впрямь похож. Я знал твоего отца. Много раз выручал он нас оружием, деньгами и товаром.

– Степан был другом бодричей до последних дней своих, – добавил Мужко. – Из всех купцов он первый подал весть о грозящей нам беде...

– Большое горе постигло тебя и твою невесту, – с печалью в голосе молвил Дерван, – но надо жить дальше... Что думаете делать?

– Хотим воротиться в Новугород.

– Отправляться в путь сейчас опасно, – сказал Лихослав. – На море хозяйничают даны. Всех, кто дружен с ободритами, берут они в полбн, а зажиток грабят.

– Может, останетесь пока у нас? – предложил Дерван. – Пройдёт лихая година – дадим вам новые лодьи и охрану. А до той поры при деле будешь, не бойсь! Степан говорил, что ты книжной премудрости обучен и в языках силён. Ник-

лоту толмачи¹¹⁹ нужны.

– По-немецки, доньски и франкски знаю. Да кабы я один был... – Кирилл взглянул на Сабину...

Дерван широко улыбнулся. В глазах его блеснули озорные искорки.

– За невесту не беспокойся. В обиду не дадим и беречь будем пуще ока. Свадьбу ещё справим вашу... Подумайте оба-два хорошенько. Ответ дадите завтра. А сейчас – почивать! Утро вечера мудренее.

Дерван встал и, обняв молодых людей за плечи, проводил к выходу из шатра...

...Поздним вечером следующего дня вернулись конные отряды сыновей Никлота – старшего Прибыслава и младшего Вартислава. Пройдя Вагрию, они уничтожили всё, что нашли в предместье замка Зигеберг. Области Даргун, Сусле, а также земли, лежащие вниз от Травы и возделываемые голландцами, вестфальцами и другими иноземцами-колонистами, были преданы огню. Гользатов же, помня строгий наказ Никлота, не тронули. Остались целыми и деревни на равнине Свентинефельда и протянувшиеся от реки Свалы до реки Агримесов и Плуньского озера. Близ деревни Кузалин конные лавы повернули назад...

...Едва солнце коснулось земли, Никлот дал приказ покинуть Любэк. Подняв паруса, корабли ободритов устремились к устью Травы. В голове каравана, сразу за Дэрваном, шла

лодья Кирилла Шáлого.

Глава 5. Вече

Гудит колокол на вечевой площади Великиграда. Отовсюду спешат сюда жители ободритской столицы. Вскоре перед княжеским дворцом собралась огромная толпа. Многие были при оружии.

Но вот двери княжеского дворца широко распахнулись, из них вышел Никлот в сопровождении жрецов, старейшин и тысяцких. Сквозь расступившееся море людей они прошли в центр площади и под ликующие крики собравшихся поднялись на вечевой помост.

Никлот взмахнул рукой. Разом смолкли голоса. В наступившей тишине было слышно как позвякивают о кольчуги рукояти мечей у витязей из личной охраны князя.

– Сегодня старейшины держали со мной совет, – раздался громкий голос Никлота, – и решили объявить вам, что несметное вражеское войско готово к походу на землю нашу. Согнуться ли нам, принять чужого немецкого бога, или, взяв в руки оружие, стеной встать на защиту Отчины? Откупиться от вражеского нашествия-напасти серебром, или отбиться булатом?

– Смерть врагам! – бурей пронеслось над толпой. – Не пристало бодричам склоняться перед саксами!

На помост взобрался побеленный сединами, но крепкий ещё старик. Это был лучший оружейник Великиграда.

– Говори, Фрёдегар! – подбадривали голоса.

Фрёдегар снял выдавшую виды и прожжённую во многих местах кузнечными угольками круглую шапку и поклонился народу. Глаза его слезились.

– Я старый человек, много на своём веку повидал. Хочу сказать только одно: когда весь народ, от мала до велика, поднимется на борьбу с неприятелем, такой народ непобедим! Его не одолеть никаким Львам и Медведям! Сила наша – в единстве! В прошлой войне из пяти сынов у меня погибли четверо. Остался один – Гнёвко. Ему всего пятнадцать вёсен, но он рвётся в бой за Отчину. Да и сам я готов взять в руки меч. Веди нас, княже! Не быть народу ободритскому под ярмом крестоносцев! Не дадим землю и веру нашу на поругание, умрём, или победим!

– Умрём, или победим! – яростным эхом отозвалась толпа.

Люди на площади потрясали копьями и мечами, ударяли щитом о щит.

К столу, стоявшему у помоста, пробился купец из Илова¹²⁰ Мбислав.

– Братья! В сей грозный час поможем Отчине на доброе дело!

Мбислав опрокинул на стол большой туго набитый кожаный мешок, из которого со звоном посыпались золотые и серебряные монеты.

Вогаст, Домослав и другие ободритские купцы один

за другим подходили к столу, кланялись старейшинам, князю и народу и высыпали из кошель и мешков деньги и драгоценности. Быстро выросла из них огромная гора.

– И моих семь людей с товаром возьми, княже! – Кирилл тоже шагнул к столу, – Ободриты – друзья мои, да и всех купцов новгородских. Не можем мы оставить друзей в беде.

В храме Сварожича взревели медные трубы. Все обернулись на их мощный и завораживающий звук. Главный жрец Након воздел руки к солнцу. Губы его что-то шептали. Так продолжалось несколько минут. Наконец Након дал знак своим помощникам. Те вывели из глубины храма священного коня.

Белый жеребец был покрыт шитой золотом попоной. Он подошёл к небольшому пятачку земли, где крест-накрест были вкопаны копья. Если конь перешагнёт через копья левой ногой – бодричам грозит беда и они проиграют войну.

Конь тряхнул свисающей до земли гривой, потоптался на месте и поднял... правую ногу. Вопль радости пронёсся над вечевою площадью: великий Сварожич обещает победу!

Снова загудели трубы жрецов и священного коня увели. Служители Сварожича вынесли из храма боевые стяги и вручили их храбрейшим воям. Након подошёл к Никлоту и протянул ему Большой Стяг.

– Тебе, княже, вручаю боевое знамя. Ты – щит и меч всей земли ободритской. Бейтесь же храбро, ибо не пощадит лютый враг ни немощи стариков, ни младости детей. И да пре-

будет с вами сила бога нашего!

Сняв шлем и отдав его подоспевшему оруженосцу, Никлот припал на одно колено и, склонив голову, поцеловал край стяга. Выпрямившись, легко вскочил на своего коня, уперев древко знамени в стремя. Порыв ветра развернул алое полотнище, в центре которого золотом был выложен грозный лик Сварожича.

– Отцы и братья! – обратился князь к народу. Земляне¹²¹ мои дорогие! Или победить, или пасть! Третьего не дано. Достойная смерть в бою лучше позорной жизни раба. Так поклянёмся, что не осраим чести нашей! Будем биться против саксонских псов, не на живот, а на смерть!

– Клянёмся! – мощно выдохнула толпа.

Оборотившись к воеводе, Никлот повелел:

– Командуй, Присклав! Выступаем в Дббин немедленно!

Спустя час, построившись родовыми отрядами и полками, войско ободритов покинуло Великиград...

...Кирилл ехал на коне рядом с вóзом, на котором среди узлов с продуктами и зажитком расположилась Сабина. В высоком синем небе, кое-где подёрнутом белыми барашками облачков, парил орёл. Красивая птица, распластав могучие крылья, невесомо летела чуть впереди головного отряда, как-бы указывая ему путь.

– Доброе знамение! – молвил один из ратников в высоком шлеме-шишаке.

– Да, боги сулят нам победу. – откликнулся другой, – а всё потому, что дело наше правое – защита Отчины и веры. А что может быть святее?!..

Кирилл посмотрел на воинов, данных ему Дёрваном для охраны возов. «Мблодцы как наподбор! – улыбнулся Кирилл. – Статные, крепкие. Но самое главное – жизнь готовы положить, лишь бы оградить-защитить родную землю от алчного и зверолоютого врага! Да и новгородцы, приставшие к бодричам, не подведут. Вон только Прокша Ломов с Онуфрием одни чего стоят!..».

Вспомнился случай на прошлогодней ярмарке в Кракове. Когда подъезжали к рынку по мосту через речку *Руда́ву*, навстречу попался обоз гамбургского купца Олиха Шлúnке. То ли лошади чего-то испугались, то ли возчик зазевался, но уже на съезде самый большой воз оказался вдруг в реке. Шлунке, вытараща глаза, носился взад-вперёд, распекая остолопа возчика и тузя его кнутовищем. Однако бёз толку: воз с дорогим товаром – корицей и солью – прочно завяз колёсами в илистом дне *Руда́вы*.

Приказчик Кирилла Прокша Ломов вызвался помочь Олиху Шлúnке вытянуть воз, запросив в награду кошель серебра. Олих спервоначалу артачился, прося сбавить в цене. Но напоследок сдался – вода уже подбиралась к пúзам¹²². Прокша быстро залез в реку, вы́пряг лошадей и, напряжёнясь, мощным рывком выдернул тяжёлый воз на берег. Шлúnке, известному многим торговым гостям своей скупоп-

стью, пришлось порядком раскошелиться: без малого пятьдесят серебряных марок было в кошеле, который он с охами и вздохами вручил Прокше. Где-то теперь этот Шлунке? И кто он ныне есть – друг или враг?..

Глава 6. Враг пришёл

Солнце ещё не взошло, а над широким лугом, с трёх сторон к которому вплотную подступал густой сосновый лес, уже раздавались весёлые голоса.

– Эй, Ву́лко, косу не забудь! А ты, Бóян, вставай! Будет спать-то. Ишь, боров, развалился. Так и зóрю проспичь. Всё бы тебе к девкам по ночам бегать!

Луг быстро óжил. Из кустов и шалашей на него выходили покóсцы. Тает над рекой *Лáской* лёгкий туман. Кружат голову медвяные запахи трав. С востока разливается серебряный рассвет. Хорошо!

Старый Нэльчин окинул взором косцов, ставших вряд по краю луга вдоль реки, глянул на заметно посветлевшую полосу неба над лесом. Порá.

– Ну, ребята, зачнём!

Разом зазвенели косы, сбивая с сочных трав росу. Закипела жаркая работа.

Добрые сыновья у старого Нельчина. Дюжие, работающие. Потому и дом у них – полная чаша. Хозяйство крепкое: три óбжи¹²³ земли, двадцать коров, полсотни лошадей, больше сотни коз и овец. Есть утки и куры. В амбáрах¹²⁴ и подклетьях¹²⁵ большого дома об два жилья¹²⁶, расположенного в самом центре села Дроздова, запасено впрок зерно пшеничное

и ржаное, ячмень, горох и овёс. Стоят в прохладных погребах кади с мёдом и соленьями, пузатые дубовые бочки с вином, брагой и пенным пивом.

Уважают Нельчина в Дроздове. И не только за то, что хозяин отменный, а и за то, что доброе, живое сердце имеет и чужую беду, как свою, принимает.

Прошлым летом зарядили дожди. Мокрая нива сопрела и почти вся полегла. Голод пришёл в Дроздов. И всё же Нельчин с сыновьями исхитрился собрать большую часть своего урожая. Собранным житом по-братски поделился с сельчанами. Не дал погибнуть от голодной смерти.

Доброту Нельчина люди не забыли. Когда у него от неизвестной хвори пали сразу все лошади и коровы – собрали серебро и янтарь для покупки новой животины.

Да, в многотрудной жизни всем людям надо быть вместе. Один пропадёшь. Может, это и есть главное для человека – помогать другим в будни и праздники, и в суровый час беды?..

Ну, а нынче урожай обещает быть обильным. Дружно поднялись на редкость густые всходы. Зреют, наливаются силой тугие колосья. Зерно к зерну. Такому жниву позавидует любой хозяин. Хлеба почти созрели. Дён через восемь можно убирать. А пока надо управиться с лугом – запасти сена впрок. Ведь каждый знает: корм хорош – и масло хорошее.

Зна́тное уродилось сено. Пышное, ароматное. Травы поднялись коню по грудь. Только успевай, коси. Будет живо-

тине на зиму сочный припас...

К полудню отворошив траву бороздниками—граблями, начали метать стога. Укопнили половину луга. Солнце палило нещадно. Словно решило сторичей воздать за дождливое прошлогоднее лето. Притомились покосники-сенокосцы, упрели все изрядно. Нельчин объявил обед.

Выкупавшись в прохладных водах *Ласки*, собрались возле шалаша. В жарком дрожащем воздухе аппетитно запахло ухой из свежих щук, печёной зайчатиной. Ели много и с наслаждением — а иначе какой из тебя работник! Запивали малиновым квасом, черпая его ковшом из врытого в землю бочонка.

Отобедав, сыновья Нельчина улеглись отдыхать в густой тени раскидистого дуба. Сам же Нельчин снял путы с ног лошадей, пасшихся рядом на лугу, и повёл их к реке.

Почуяв воду, кони весело заржали. А тонконогая кобыла, красавица *Стрела*, озорно кося чёрным глазом, нагнула морду и от радости слегка куснула Нельчина за ухо.

— Вот ужó я тебя! — шутливо пригрозил кобыле Нельчин и замахнулся на неё рукой.

Стрела сделала вид, что испугалась, и отпрянула в сторону. Взбрыкнув передними ногами в белых носочках, она надела ходу и, обогнав жеребцов *Чёрта* с *Каиштаном*, первой бросилась в воду...

Нельчин выкупал коней, расчесал им гривы и хвосты и снова пустил на луг. Потом сел на прогретый солнцем ва-

лун, окунув ноги в речку. Холодные голубоватые струи приятно освежали натруженные подошвы, упругой силой наливали икры. Здесь, на песчаном берегу *Ласки*, зной почти не ощущался. Хорошо!

Нельчин блаженно зажмурился и погрузился в сладкую дремоту. Сонную тишину нарушало лишь журчание воды да редкий всплеск играющих тяжёлых рыбин... Вдруг ухо его уловило какой-то неясный шум, будто где-то мычит скот и кричат люди. Горячий полуденный ветер донёс со стороны Дрбздова запах гари. Нельчин вскочил. Сердце сжалось в тревожном предчувствии. Беда!

Над холмом, отделявшем луг от деревни, взвился столб дыма. Позабыв надеть поршни¹²⁷, старый Нельчин бросился к сыновьям.

– Боян, Вулко! Дрбздов горит. По коньям, живо!

Вздымая облака пыли, отец и сыновья во весь опор помчались по дороге вдоль невысокого, поросшего березняком холма. На околице Дрбздова всадники резко осадили коней. Глазам их открылась страшная картина: зловещие языки багрового пламени жадно лизали крытые дранью, тёсом и щепой серые крыши домов. Едкий запах гари стоял на улицах села. Дым и копоть закрыли полнеба, погребальным саваном стлались над Дрбзовым. По обочинам, у домов, во дворах – повсюду лежали изрубленные, пронзённые стрелами и копьями люди. Меж ними ходили ратники, одетые в кольчатую и дощатую бронь¹²⁸, поверх которой были наброшены белые

плащи с крестами на левом плече..

Они по-воровски обыскивали убитых, торопливо и жадно срывая с них ожерелья, серьги и кольца. Каждый спешил, стараясь потуже набить большие кожаные кошель и сумки, подвешенные к поясам.

Многие, не поделив добычи, громко спорили между собой, схватывались в драке.

Ведя коней в поводу́, отец и сыновья густым лозняком незаметно пробрались к центру Дроздова. Терем Нельчинов исчез – на месте его дымилась лишь груда обуглившихся брёвен! Весь двор был густо усеян пером и пухом гусей и уток. Тут и там виднелись опрокинутые пустые сундуки, разбросанная в беспорядке мелкая утварь.

Трава у колодца была сильно примята. Отсюда прямо к пепелищу тянулась широкая извилистая борозда, словно волокни что-то тяжёлое. На изумрудно-зелёной мураве лежал окровавленный саян¹²⁹ с оторванными рукавами.

– Светозара, голубица моя! – вскрикнул Нельчин.

Голоса своего он не услышал. Вместо крика из груди вырвался глухой протяжный стон. Острая боль пронзила сердце. Тугой комок застрял в горле, мешая дышать. Нельчин с трудом проглотил его и обернулся к сыновьям:

– Нет больше нашей матки, дети! И Дроздова больше нет!..

Словно закаменёв, Ву́лко и Боя́н стояли сжав кулаки и неотрывно глядели на родное пепелище...

В это время из боковой улочки показалась группа крестоносцев. Впереди кнехтов¹³⁰ на сером в яблоках коне ехал высокий рыцарь в блестящих на солнце латах. На притороченном к седлу треугольном щите виднелся герб хозяина – по синему полю бежал серебряный волк со вздыбленной на загривке шерстью и хищно оскаленной пастью. Ниже красовался девиз: «*Я не барон, не герцог и не граф. Я – Пёллер!*». На широком поясе рыцаря висел меч и большой кинжал. Оба – с рукоятками в виде креста. Остальные воины Христовы были в гибких, до колен, кольчугах и юшманах¹³¹. В руках они держали копья, а из под их плащей выглядывали мечи. Кнехты уже успели где-то основательно прополоскать глотки вином и теперь едва держались на ногах. Их предводитель, сильно качаясь в седле, хриплым голосом затянул песню:

Пошёл я на гулянку.

Нану, нану, нану!

Пошёл я на гулянку,

Ты скажешь: ну и ну!

Пошёл я на гулянку,

Бумсвалера!

И встретил горожанку —

Ха-ха, ну и хитра!

Сказала, что с деньгами,

А вышло, что с долгами.

Сказала, что с приданным,

А вышло, с платьем драным.

Сказала, что дворянка,

А вышло, что служанка.

Женись на мне, сказала,

И будет горя мало.

Всё лето с ней возился...

...Да так и не женился! – разухабисто подхватили кнех-

ты.

– Головники¹³², збурители¹³³! – Боян сжал кулаки. Глаза его сузились и побелели от ярости к врагу. – Вы ответите нам за всё!..

Едва Пёллер поравнялся с зарослями лозняка, как перед ним, словно из-под земли, вырос Боян и загородил дорогу. Конь Пёллера испуганно шарахнулся в сторону и взвился на дыбы. Рыцарь, точно куль с мукой, тяжело рухнул на землю, больно ушибив левый бок.

– *Verdammt nochmal!*¹³⁴ – свирепо прорычал Пёллер, вскакивая и хватаясь за меч. Но вытащить его не успел – Боян камнем упал на рыцаря, мёртвой хваткой сдавив ему горло. и воткнув в его шею кинжал. Выпучив глаза и пуская изо рта кровавую пену, Пёллер медленно осел в траву и вскоре затих.

Боян выхватил тяжёлый меч рыцаря и бросился на оторопевших кнехтов, рубя их направо и налево.

Тем временем Нельчин и Вулко с боевыми топорами в ру-

ках атаковали немцев с тыла. Сбившись тесной кучей, мешая друг другу длинными копьями и громоздкими щитами, отропевшие и хмельные воины Христовы отбивали удары вяло, кое-как. Вскоре на пыльной дороге лежало восемь трупов. Оставшиеся в живых немцы, не выдержав яростного натиска троих ободритов, попятились, а затем пустились наутёк. Увлёкшись их преследованием, Боян и Вулко не сразу заметили, как из-за крутояра выскочил отряд конников и устремился на них. Латники охватили берег *Ласки* кольцом, в самом центре которого очутился Нельчин.

– Отец! – перекрывая топот коней и лязг железа, крикнул Вулко. Но было уже поздно – несколько вершников разом метнули сѹлицы. Пронзѳнный ими насквозь, старый Нельчин вздрогнул, словно наткнулся вдруг на невидимую преграду. В горячке боя он ещё успел достать топором убежавшего во все лопатки кнехта, а затем, как подкошенный, упал в горячий песок.

Боян и Вулко отчаянно отбивались от наседавших со всех сторон, как саранча, врагов. Они стремились пробиться к лесу на той стороне реки. Однако сделать это не удалось: силы были слишком неравны. К тому же ободриты порядком устали и теперь сражались из последних сил. Латники скоро быстро окружили братьев плотной стеной и наставили на них копы и мечи. Вдруг ряды немцев разомкнулись, вперѳд выехал пожилой плотный рыцарь на вороном коне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.